

Г. А. ФЕДОРОВ

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О МОСКОВСКОЙ РОДНЕ ДОСТОЕВСКОГО

(К генезису рассказа «Маленький герой»)

14 января 1820 г. в церкви Московского военного госпиталя старший лекарь М. А. Достоевский венчался с М. Ф. Нечаевой.¹

Порвав с отцом ради служения медицине, оставив на Подолье родительский дом, М. А. Достоевский в Москве родных не имел. Супружество породило его не только с купцами III гильдии Нечаевыми и Антиповыми, но и сделало свояком Куманиных — одной из самых известных к тому времени купеческих фамилий Москвы. Старшая сестра супруги штаб-лекаря Достоевского была замужем за средним сыном коммерции советника московского первостатейного купца и кавалера А. А. Куманина.

Некогда бывшие монастырскими крестьянами, стали Куманины торговыми людьми.² Алексей Алексеевич явился в московское купечество в 1789 г. (год рождения М. А. Достоевского). Но успешной торговлей, богатством и славой коммерсанта Куманин не довольствовался. Он (как впоследствии и его старший сын Константин) стремился сбросить путы сословных ограничений: «особо быть». Пожертвовав в 1806 г. деньги на основание первого в России высшего учебного заведения для коммерсантов — Московской практической академии коммерческих наук, Куманин затем становится его попечителем. Императрица Мария берет Академию под свое покровительство, основатель-благотворитель получает почетный титул коммерции советника. Новое пожертвование приносит ему золотую медаль на владимирской ленте.³

¹ ЦГА Москвы, ф. 203, оп. 745, № 226, л. 453 (дата сообщается впервые).

² О роде Куманиных см.: ГБЛ, ф. 329. I.1.279; Русский архив, 1912, № 1, с. 138—142; «Крестовников Н. К.». Семейная хроника Крестовниковых. Кн. 1. М., 1903, с. 18—19.

³ См.: Глебов И., Иванов Д. История Московской академии коммерческих наук (1810—1860). М., 1860, с. 8—10, 16, 18, 27; Столетие Московской практической академии коммерческих наук (1810—1910). М., [б. г.], с. 2—4, 8, 21.

К 1811 г. в среде московского купеческого общества Куманин — один из первых. И в том же году он — городской голова.⁴ Оптовая торговля при портах, «степень трудолюбия просвещенного и важность предприятия» А. А. Куманина определяли право на высшее купеческое достоинство — звание первостатейного, дававшее и почеть приезжать ко дворцу, и право носить шпагу для защиты чести, и ездить в карете парой или четвернею. Став головою, Куманин заявил в Думе, что «имеет быть включен»⁵ в первостатейные, самовластно определив для себя — слуги коронной власти — «дворянскую статью», недавно высмеивавшуюся на театре в комедиях с «дворянящимся купцом». Он сближается с военным генерал-губернатором гр. Ф. В. Ростопчиным. В 1812 г. при раскладке по губернии денег на военные нужды Куманин возлагает половину суммы — 500 тысяч — на московское купечество и обещает императору, сверх того, «слишком до десяти миллионов». Он среди немногих вносит на ополчение 50 тысяч.⁶ Через несколько дней за усердие, «особенно начальством (Ростопчиным, — Г. Ф.) засвидетельствованное», городской голова Куманин награждается Владимиром 4-й степени за подвиги, «совершенные на поприще государственной службы». Орден был дан прежде всего за обещание миллионов. Но не только сумма, обещанная императору, не была собрана, но из назначенных властью Куманина 500 тысяч собралось немногим более половины.

Под сгоревший дом и разграбленное имущество Куманиным испрашивается ссуда, хотя в действительности он не был разорен. На 1813 г. им объявляется капитал, по-прежнему дающий ему право на звание первостатейного купца. На прошении о ссуде скупой на похвалу Ростопчин написал: «Куманин показал на опыте усердие свое и был полезен на службе государя».⁷ Ссуда равна его пожертвованию — 50 тысяч (не погашенная, к слову сказать, сыновьями при их богатстве и в 1830-х годах); о неисполненном обещании забыто. Через несколько десятилетий на мраморных досках храма Христа Спасителя — памятника войны 1812 г. — будут навечно высечены имена жертвователей, среди которых под суммой 50 тысяч будет и его имя (там же было имя деда Достоевского, Ф. Т. Нечаева, внесшего 1000 р.). Среди портретов героев, выпущенных к столетию Отечественной войны, — портрет и московского городского головы 1812 г.

Вскоре им покупается в родном Переславле-Залесском текстильная фабрика; расширенная, она «по огромности своей может

⁴ ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 3, № 93; Русский архив, 1912, № 5, с. 77—78.

⁵ История Московского купеческого общества. Т. II, вып. 1. М., 1916, с. 91—92.

⁶ См.: Русский биографический словарь. Т. XVII. Пгр., 1918. с. 268—269; Сторожев В. Н. Война и московское купечество. М., 1914, с. 57—61, 83; Шильдер Н. К. Александр Первый. Т. III. СПб., 1905, с. 90; Русская старина, 1889, № 12, с. 683.

⁷ ЦГА Москвы, ф. 51, оп. 17, № 325.

почестья первойшею во всей губернии»,⁸ называвшейся уже «российским Манчестером».

Отец оставляет сыновьям большой, заново отстроенный дом в Москве (стоимостью в 150 тысяч), фабрики, души... Он завещал им: в первые десять лет от его кончины (1818 г.) имение не разделять и делом управлять старшему, Константину, капитал объявить общий с братьями Александром (дядя Ф. М. Достоевского) и Валентином. И главное — вести торговлю под фирмою «Алексея Куманина сыновья».⁹ Он передал сыновьям свое имя, известное в торговом мире, и изготовил печать будущей фирмы. Торговля с заграницей «Куманина сыновей» открылась в год рождения Ф. М. Достоевского. Основным делом фирмы становится меновой торг с Китаем в «маленьком уголке на китайской границе... втянутом в орбиту мировой торговли»,¹⁰ — Кяхте. Их торговый дом — один из самых значительных по торговле чаем в Москве. К концу 1820-х годов произведениями своей фабрики Куманины приобретают известность. На Первой выставке российских мануфактурных изделий (Петербург, 1829 г.), когда «многие фабрики соревновали представить на суд публики свои изделия»,¹¹ ткани куманинской фабрики отмечены малыми золотыми медалями. Через три года фабрика получает государственный герб.¹²

К. А. Куманин с 1825 г. — московский городской голова; вдовствующая императрица Мария рескриптом откликается на его избрание как сына основателя-благотворителя Коммерческой академии.

В 1826 г. городскому голове выпадает честь принимать в коронацию императора. Накануне прибытия Николая К. А. Куманин вместе с братом Александром вносят на расширение Коммерческого училища 30 тысяч.¹³ Для «патриотического акта» было самое время — за пять дней перед тем опубликованы списки осужденных бунтовщиков, пятеро из них уже казнены. При въезде императора в древнюю столицу Куманин с московским купечеством встречал его хлебом-солью на золотом блюде стоимостью в 15 тысяч рублей.

Кавалером Анны 2-й степени он во главе депутатов от Думы участвует в коронационном шествии в Кремле. Анна дана ему «с ограничениями», но императрица Мария обещает дворянство. По понуждению К. А. Куманина московским купечеством дается

⁸ Владимирские губернские ведомости, 1857, 30 марта, № 13, с. 70—71.

⁹ ЦГА Москвы, ф. 2, оп. 1, № 848.

¹⁰ Тугутов Р. Ф. Прошлое и настоящее г. Кяхты. Улан-Удэ, 1954, с. 10—11.

¹¹ Описание Первой публичной выставки... СПб., 1829, с. 168, 296.

¹² См.: Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества. Вып. 15. Переславль-Залесский, 1926, с. 24.

¹³ См.: Виноградов Н. Московскому коммерческому училищу сто лет. М., 1904, с. 39—40, 60, 354—355; История Московского купеческого общества. Т. IV, вып. 1. М., 1914, с. 193—197, 233, 236—237.

императору и «его доблестному воинству» военный обед. Огромное пространство экзерциргауза (манежа), где мог развернуться полк, преобразовано прославленным архитектором О. Бове. Для обеденных столов разбита военная палатка, украшенная «трофеями, составленными из полной арматуры и лавровых венков», устроены в «английском вкусе» сады с клумбами благоухающих цветов и растений «благословенного неба Италии; спелые плоды висели на ветвях полувековых деревьев». Обеденный стол обошелся в 77 334 руб., украшение и отделка манежа — 56 922 руб. ассигнациями. Куманин удостоился беседы с императором. Коронационные торжества завершились грандиозной иллюминацией с фипальным букетом в 140 тысяч ракет и световой декорацией работы П. Гонзаго с транспарантом «Успокоителю отечества Николаю Первому».¹⁴

Отъезд императора из Москвы был отмечен новым (совместным с братом Александром) взносом, за что К. А. Куманин пожаловал бриллиантовым перстнем. Через семь лет на обеде в Зимнем, данном купечеству, Николай скажет: «Я люблю Москву; она примерная столица, что в ней всегда тихо. Я желал бы, чтобы и все с нее брали пример», — и, заметив отсутствие К. А. Куманина, спросит о нем.¹⁵ «Личная доверенность» императора с 1826 г. сопровождает К. А. Куманину. Он не только высочайше утвержден по представлению министра финансов членом Московского мануфактурного совета, но и является одним из членов «Торгового шестигласного конгресса» Нижегородской ярмарки, решавшего вопрос о чае, который имел огромное значение в «общем механизме» торговли основного торжища империи.¹⁶ Наконец, «не в пример других» в 1830 г. Куманины получают от императора потомственное дворянство, исходатайствованное для пих А. Х. Бенкендорфом.¹⁷ С потомственным дворянством, Куманины — временные первостатейные купцы.

До 1828 г., как наказал им отец, братья жили со своими семьями в огромном родительском доме на Большой Ордынке. Дом этот предстанет в образе дома П. С. Рогожина.¹⁸ Бедняки Достоевские связаны с Куманиными не только обязательными родственными визитами богатой родне. М. А. Достоевский — домашний врач Куманиных. После окончательно излеченной серьезной болезни дяди, как пишет А. М. Достоевский, «папенька приобрел большую практику у московского купечества и сделался домовым врачом у обоих Куманиных (К. А. и В. А., — Г. Ф.)».¹⁹

¹⁴ См.: Отечественные записки, 1827, ч. 32, № 10, с. 43—52, и № 12, с. 362—363.

¹⁵ См.: Русский архив, 1891, № 12, с. 366.

¹⁶ См.: Мельников П. Нижегородская ярмарка... Н.-Новгород, 1846, с. 249—251.

¹⁷ ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 10, № 1110; ф. 16, оп. 7, № 88817.

¹⁸ См.: Федоров Г. А. Москва Достоевского. — Литературная газета, 1971, 20 октября, № 43.

¹⁹ Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 36.

С переездом А. А. Куманина в свой дом в Козьмодемьянский переулок (ныне Старосадский пер., д. 9, сохранились два этажа) Достоевские перерывают связи с семьями обоих его братьев.

Через сорок лет, говоря о «русском торговом миллионе в значении касты», Ф. М. Достоевский напишет о «прежних купцах-миллионерах»: «Из чванства и чтобы не отстать от других, такой миллионер, пожалуй, и жертвовал огромные суммы на отечество, в случае, например, опасности (хотя случай такой был лишь раз в двенадцатом году) — но пожертвовавше он делал в виде награды...»; этот «разряд миллионеров-купцов отличался прежде всего фраками и бритыми подбородками, великолепной обстановкой домов их, воспитанием дочерей на французском и английском языках с фортепиано, нередко орденом за большие пожертвования, нестерпимым чванством над всем, что его пониже...»; «все эти миллионщики, достигая миллиона <...> заручались правами дворянскими» (XI, 438, 439).

Куманинский «мир» в произведениях Достоевского требует специального исследования. В воспоминаниях Вареньки Доброжеловой упоминается широкое озеро. Оно вновь появляется в грезах героя из «прошедших годов первого детства» в повести «Хозяйка». В воспоминаниях героев видится след реальных впечатлений «первого детства» Достоевского, от его возможной поездки (до приобретения М. А. Достоевским в 1831 г. Дарового) на родину Куманиных в Переславль, со знаменитым Плещеевым озером. А в «Подростке» три фамилии — Долгорукий, Сокольский, Прыткова — могли быть заимствованы Достоевским из прихода церкви, в котором стоял дом дяди А. А. Куманина.²⁰ Сама Прыткова и старый князь Сокольский напоминают тетку и дядю Достоевского.

Из произведений писателя лишь события «Маленького героя», если не считать тушаровских эпизодов «Подростка», происходят в Москве, вернее «в двух шагах» (2, 268) от нее. Строки письма М. В. Белинской помогают раскрыть место действия рассказа. В письме к Достоевскому она пишет 17 февраля 1863 г.: «Как часто по дороге в Кунцево, проезжая церковь Покрова и дачу Куманиных (которые, кажется, Вам родня), я говорила своим: быть может, Федор Михайлович гостит здесь...»²¹ Видимо, о Куманиных у Белинских говорилось (до середины 1847 г.) часто, иначе имя родни Достоевского не осталось бы в памяти вдовы критика.

Фили и соседнее Купцево, древние поместья Нарышкиных, уже после 1812 г. сдавались на лето. Куманины жили в Филях летом, снимая мызу Нарышкиных, с 1840-х по 1860-е годы. Мы не располагаем сведениями о пребывании у них в Филях Досто-

²⁰ См.: Никольский В. Историческое описание Московской Козьмодемьянской, на Покровке, церкви. М., 1888, с. 164—165, 68—69, 80, 84.

²¹ Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.—Л., 1935, с. 121.

евского до 1837 г., когда он был отвезен в Петербург. Но в том, что в «Маленьком герое» перед нами Фили с парком и Москвою-рекой под горою, убеждает пейзаж произведения, до мельчайших подробностей совпадающий с реальным. И Москва от Филей «в двух шагах», и река «под горою», «далеко, как только мог следить глаз, вьющаяся между новыми холмами и селами» (2, 295). Лишь здесь с холма (а не в Кунцеве, например) можно было видеть косцов. Здесь и просека, «которая пролегала от большой дороги к господскому дому» (2, 289) (той дороги, по которой в Кунцево ездила М. В. Белинская), и парк со «смолистым запахом деревьев» — сосен и елей. По соседству за полем находилась деревня Покровское, куда персонажи «Маленького героя» собираются на увеселительную прогулку.

Рядом с Филями расположено Кунцево, а в недалеком расстоянии — Покровское-Стрешнево и Елизаветино — любимейшие места отдыха московских купеческих семей. Здесь отдыхали «отцы» — главы торговых фирм, фабриканты и пегоцианты — перед закупками, ярмаркой в Нижнем (время действия рассказа — июль, ярмарка открывалась в августе). Женатые дети, впуки, богатые невесты и женихи составляли молодежь. Грациозные праздники, балы и вечеринки, торжественные обеды, собиравшие человек до двухсот, пикники, как и в рассказе, «сменялись одни другими» (2, 268).

Возможно ли в тех персонажах «Маленького героя», которые «резко обрисовались на первом плане» (2, 268), назвать кого-либо, кто несомненно мог быть знаком Достоевскому до 1837 г.? Думается, возможно, но лишь отчасти, не столько указанием на явный прототип, сколько на материал к творческой работе.

Хозяин подмосковной деревни, родственник рассказчика «Маленького героя», — старый гусар с ремонтерской славой. К началу 1830-х годов старший и младший Куманины были причастны к группе лиц, именовавшихся в Москве «конскими охотниками». Вскоре В. А. Куманин получает приглашение участвовать в организуемом в Москве Обществе конской скаковой охоты: «Одна Москва представляет все возможные средства для учреждения скачек, и можно ручаться < . . . > она в сем отношении вскоре сравниться может с Донкастером, Епсом и Ньюмаркетом».²² В. А. Куманин, в молодости сам проезжавший на бегу своего Быстрого — рысака орловской породы, член-учредитель Общества, судействует на скачках. У него кружок завязанных лошадиников, и в нем разговоры, споры и шутки только на тему о лошадях. Часто гостит у В. А. Куманина выдающийся знаток-коннозаводчик, владелец огромного конного завода, «сбыт с коего, по числу и по ценности, соперничествовал» в 1820—1830-х годах со знаменитым Хреновским, — В. П. Воейков. Сановитостью, наружностью, исполинской силой он напоминал графа А. Г. Орлова-Чесмен-

²² ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 7, № 89589, л. 4.

ского, основателя Хреновского завода.²³ Воейков также член-учредитель, а позже вице-президент Общества. В кружке В. А. Куманина был гусар и ремонтёр, ротмистр, тамбовский помещик И. С. Спиридонов. Достоевский не мог знать его до 1837 г. как мужа племянницы В. А. Куманина. Но Спиридонов мог быть принят у Куманиных и до отъезда Достоевского в Петербург. Личность В. А. Куманина, представительная, барская, с изысканными манерами, шутливой речью с примесью иронии и «усмешечкой в глазах», по нашему мнению, сыграет определенную роль при создании образа Тоцкого.²⁴

Образ мужа героини рассказа г-на М. — «европейца, человека современного» (2, 275) — создавался, надо думать, не без воспоминаний о старшем сыне К. А. Куманина — Александре.²⁵ Крестник дяди Достоевского, двухлетним объявленный в деле деда, любимец отца, богач, в 1830-х годах служивший в канцелярии военного генерал-губернатора, в 24 года награжденный в «воздаяние трудов на пользу мануфактурной промышленности» Станиславом 4-й степени, он в 1836 г. обвенчался с 17-летней «идеальной красавицей» С. Ф. Корш,²⁶ которой, возможно, и навеян образ красавицы m-me М.²⁷

В рассказе хозяин «мастерски» (2, 271) играет в комедии Скриба. Это характерно для эпохи: кто бы из куманинского круга ни стоял у истока образа хозяина поместья, в 1840-х годах его прототип уже не мог играть в «Дворянющемся купце» В. Колычева или одного из купечествующих в старинных пьесах «Российского театра». Прошло столетие; В. Г. Белинский писал в 1846 г.: «...театр Скриба всегда будет иметь свою цену, а теперь ему и цены нет: как он важен для современного общества <...> чтобы видеть на сцене самих себя».²⁸

«Тут были и другие дети» (2, 269), — отмечено в рассказе. Им, этим «будущим Ротшильдам», В. А. Куманин скажет: «Трудитесь, и будете богаты».

²³ См.: Коптев В. Воспоминания об И. Д. Ознобишине... СПб., 1866, с. 4—5 (автор — один из членов «кружка» В. А. Куманина).

²⁴ Из известных нам портретов В. А. Куманина наиболее ранний — 1840-х годов — находится в собрании Ленинградского музея Достоевского.

²⁵ Портрет А. К. Куманина 1830-х годов хранится в Государственном Историческом музее (Москва).

²⁶ ЦГА Москвы, ф. 203, оп. 745, № 302, л. 581.

²⁷ См.: Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893, с. 156—157; Русская мысль, 1898, т. I, с. 19. — В автобиографических «Листках из рукописи скитающегося софиста» Аполлон Григорьев, влюбленный в А. Ф. Корш, впоследствии жену К. Д. Кавелина, вывел и С. Ф. Куманину. Он породнился с ней, женившись в 1847 г. на ее сестре Лидии.

²⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. IX. М.—Л., 1953, с. 454. — Среди участников и зрителей весьма возможного в куманинском кругу домашнего спектакля могли быть Алексеевы, свояки и друзья Куманиных, в семье которых через четверть века родился Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский).

Вернувшись из Сибири, Достоевский встретился со своими бывшими сверстниками, «пробившими себе дорогу к довольству и почетному положению в обществе настолько, что не уронили значения фамилии». Один из них признается: «Наш кружок давит своим богатством»; «в Москве чудят, особенно в нашем обществе; повсюду эгоизм и натянутость... Это такое общество, разве издали смотреть на него пригодно, а близко подходить рискованно — как раз спросят, много ли у вас денег, а у кого их мало, тому такое общество — чума».²⁹

Связь этого молодого «общества» с будущими типами Птицына, Гани Иволгина, Парфена Рогожина несомненна.

²⁹ «Крестовников Н. К.». Семейная хроника Крестовниковых, кн. 1, с. 80—81. — Этот источник сообщает дополнительный бытовой материал о семье Куманиных и их круге.